

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Червякова Руслана Юнадиевича
«Жилищная кооперация СССР (1923–1937)», представленную на
соискание ученой степени кандидата исторических наук по
специальности 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация Р.Ю. Червякова представляет собой законченное исследование, посвященное анализу сложного инструмента советской жилищной политики 1920–1930-х гг. – жилищной кооперации. Утвердившаяся в годы НЭПа, она продолжила деятельность в период форсированной индустриализации и была ликвидирована уже после объявления о построении основ социализма в СССР. Изучение жилищной кооперации позволяет четче обозначить специфику складывания советского хозяйственного механизма в его противоречии между социалистическим и хозяйственно-инициативным пластами.

Внимание к экономической составляющей определило методологический подход и обусловило четкость определения автором диссертации объекта и предмета исследования. Первым выступает система советского народного хозяйства, в качестве второго указана жилищная кооперация СССР как особая форма экономического объединения граждан. Целью работы является определение места советской жилищной кооперации в советской экономической системе и ее роли в преодолении жилищного кризиса 1920–1930-х гг. Преимущественно экономический ракурс изучения темы привел к некоторой диспропорции материала (см. замечания), изучению темы преимущественно в ракурсе институциональной истории, но обеспечил единство и непротиворечивость изложения. В этом отношении представленное исследование обладает безусловной научной новизной – пожалуй, впервые в историографии инструмент жилищной кооперации тщательно выписан и концептуализирован в динамике его развития.

Комплекс источников отличается репрезентативностью и достоверностью, тщательностью и аккуратностью выборки. Так, кроме привычных для историка источников – нормативно-правовой документации, делопроизводства, статистики, периодической печати, источников личного происхождения, автором привлекаются произведения синхронной художественной литературы, визуальные источники – карикатуры из издания «Крокодил», монтажные листы специальных документальных фильмов о пожарной ячейке ЖАКТа и ее действиях в условиях ПВО, работе санпоста ЖАКТа из фондов Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (с. 191–192). Значителен пласт документов, впервые вводимых автором диссертации в научный оборот.

Структура работы соответствует поставленным задачам, организована по проблемно-хронологическому принципу. Инструмент жилищной кооперации рассматривается Р.Ю. Червяковым в динамике его развития – от зарождения до ликвидации. При всей логичности и аккуратности повествования, отмечаются некоторые неровности организации текста. Так, вопрос вызывает необходимость включения в текст достаточно обширных справок о биографиях государственных и кооперативных деятелей А.М. Лежавы (с. 71–72) и М.А. Лурье (Юрия Ларина, с. 74–76); гораздо удачнее, в связи с их участием в становлении института кооперации, вписаны в текст диссертации фигуры первого руководителя Центрожилсоюза В.Я. Белоусова и наркома труда В.В. Шмидта. Неясны «висящие» и не отраженные в содержании части в начале глав, предваряющие параграфы 1.1, 2.1, 3.1, 4.1. Если в первом и третьем случае текст носит характер постановки задачи, то во втором (с. 85–90) и четвертом (с. 200–203) по объему претендует на полноценный параграф, почему-то не озаглавленный и не обособленный соискателем.

Ценными представляются многоуровневость и системность исследования. Автором реконструированы особенности взаимоотношений власти к кооперации и дискуссии в номенклатурных кругах, проблемы и

противоречия внутри жилищных кооперативов, отношение к ним со стороны общественности. Подчеркивается неустойчивость крайне противоречивого для советской хозяйственной системы инструмента жилищной кооперации. С одной стороны, была очевидна заинтересованность советского руководства в появлении организаций, способных взять на себя ответственность за частичное урегулирование жилищного кризиса; с другой – на всех этапах обсуждения и согласования уставных документов государственные структуры проявляли открытую настороженность и оттого очень большую осторожность в отношении инициатив кооперативной общественности (с. 68). Другим противоречием стал «государственный» характер кооперации. Оценивая бюджетную обременительность паевого взноса, Р.Ю. Червяков справедливо отмечает, что «простые советские граждане» оказались «слишком бедны» для него (с. 93), последнее привело к длительному характеру паенакопления и зависимости от государственного вливания кредитов. На эту особенность государственно-кооперативных отношений автор обращает особое внимание, метафорически обозначая жилищную кооперацию не «любимым детищем» государства, а его «бедным родственником, живущим взаимно» (с. 96). Проблемы усугубляла и зависимость от рынка строительных материалов в условиях дефицита стройматериалов, – в связи с этим заготовка и снабжение кооперативов осуществлялась централизованно (с. 106). Наконец, противоречивостью отличался и характер собственности на жилплощадь, возникшей в процессе кооперирования и находящейся на пересечении личной, муниципальной и государственной сфер интересов. Тщательное раскрытие этих ракурсов соискателем выводит исследование за рамки традиционного исторического нарратива, концептуализирует и проблематизирует текст диссертации.

Предваряя заключение, хотелось бы отметить: диссертационный текст подготовлен настолько качественно, что изложенные ниже замечания и комментарии могут быть восприняты исключительно как приглашение к научной дискуссии.

Соискатель настаивает на том, что появление жилищной кооперации было связано исключительно с решением жилищного вопроса, остро стоявшего перед жителями центральных городов (Москва и Ленинград) в 1920-е гг. (глава 1, с. 85), а не зарождающейся социально-экономической стратификацией советского общества (как это видится рецензенту). Однако как в этом случае объяснить ее малую распространенность (автор приводит статистику: членами жилищно-строительных кооперативных товариществ состояло около 0,13 % всего населения страны и около 0,7 % городских жителей, опровергая ее через удельный вес кооперации во всем строительстве СССР – не менее 25 % (с. 86))? Показательно, что жилищное строительство в те годы в принципе не было распространено, а высокий вступительный пай (взнос) резко ограничивал возможности участия в кооперации для лиц, даже остро страдавших от жилищного кризиса.

Вопросы вызывает утверждение соискателя о том, что «жилищная кооперация вполне органично вписалась в авангард строителей “нового быта”» (с. 136) и указание на «коллективизацию быта трудящихся». Последнее, скорее, было обычным декларативным приемом в обосновании строительства. Тот факт, что автор не показывает различие кооперативных домов и домов-коммун существенно обедняет трактовку явления жилищной кооперации, иерархически и социально стратифицированной, ориентированной преимущественно на обеспеченного, привыкшего к комфорту пайщика. По сути, жилищные кооперативы выводили последнего за рамки общегражданских норм обеспечения жилплощадью, способствовали расслоению советского общества, - были обособлены высшие преуспевающие слои, финансово способные к самостоятельному решению жилищного вопроса – частно-хозяйственной инициативе, опыту самодеятельного строительства.

При указанном автором стремлении к стандартизации (а значит, и удешевлению) строительства (с. 104), кооперативные дома строились как

комфортные¹, социально стратифицированные (в 1930-е гг. на планах при кухнях даже присутствовали комнатки домашних работниц – *данные мои, Е.Д.*) и в этом отношении отличались от домов-коммун, более соответствующих данному автором определению (с. 136) и концепции «нового быта» (в том числе наличие культурно-бытовых ячеек, красных уголков и т.д.). Это подчеркивают и цитируемые автором в главе 3 указания местных органов власти на «архитектурные и технические излишества» при возведении ЖАКТов, превышение средней жилплощади, приходящейся на жильцов кооперативных домов, среднего показателя по городу и т.п. (с. 154). Наконец косвенно доказывает стратифицированный характер жилищной кооперации ее распространенность преимущественно в Ленинграде – городе, наименее страдавшем от жилищной «стесненности» (8 кв. м против московских 5 кв.м – *данные мои, Е.Д.*). Например, в числе пайщиков кооператива «Научные работники» в Ленинграде состояли И.П. Павлов, Е.Л. Николаи, Г.П. Передери, И.Н. Бичунский, А.Б. Залкинд, композитор Д.Д. Шостакович, далеко не нуждавшиеся в решении жилищного вопроса: речь шла о научной элите.

Автор интуитивно признает социально выделенный характер жилищной кооперации. В тексте проскальзывает указание на ее трактовку как «аристократической организации привилегированной верхушки», не подходящей для основной массы пролетариата» (с. 78), потенциальную неспособность жилищно-строительных товариществ ориентироваться на широкие слои пролетариата (с. 82), высокий уровень недоверия к ней власти (с. 85) и, наконец, ее прямую связь с утверждением идеи частной или хотя бы личной собственности (с. 201), противостоящей идеалам социалистического общества. Однако соискатель не раскрывает эту проблематику, оставаясь в ракурсе преимущественно экономической и институциональной истории.

---

¹ Автор сам приводит описание одной из них на с. 141 – «По замыслу устроителей, каждая квартира должна была состоять из трех комнат, кухни передней и уборной».

На взгляд рецензента, диссертационный текст усилило бы внимание соискателя к следующим конкретным сюжетам:

1. Исследование функционирования конкретных жилищно-строительных кооперативов (преимущественно в формате кейс-стади/микроисторического анализа), в том числе работа со статистикой социального состава пайщиков и историко-архитектурный анализ проектируемых или построенных кооперативных домов. Привлечение архитектурных чертежей и планов – эскизной застройки и вариантов планировки отдельных квартир, в том числе экспериментальных жилых комплексов-комбинатов, было бы актуально в формате приложений к диссертационной работе.
2. Жилищные кооперативы рассматриваются как инструмент социальной стратификации, имеющий ярко выраженную пролетарскую направленность. Однако в исследуемый автором период, кроме рабочих кооперативов, создавались и кооперативы для служащих (например, научных работников, преподавателей вузов). Автор не упоминает о них и не ставит вопрос о специфике такого рода объединений.
3. Представляется важным уточнение региональной специфики кооперативного строительства – чем отличались столичные кооперативы от региональных, московские от ленинградских, а ленинградские – от, например, харьковских? Упоминания региональных кооперативов разбросаны в тексте, но проблемно не систематизированы.
4. В изучении государственно-кооперативных отношений автор не обращается к исследованию еще одного пласта – муниципального. Хотя нечеткость границ между кооперативным и муниципальным жильем провоцировала конфликты кооперативов с местными властями – горсоветами (например, Моссоветом), претендующими на

квартиры во вновь построенных домах и изымающими часть ордеров в момент их выдачи.

5. Автор не указывает на «разрывы» в финансовых (кредитных) платежах, возникавшие вследствие превышения установленных цен и расценок в ходе общего удорожания строительства. Эти «недоимки» в процессе погашения жилищными кооперативами взятой государственной ссуды стали одной из причин их ликвидации в 1937 г.
6. Указывая на ликвидацию жилищной кооперации в 1937 г., автор диссертации не упоминает о имевших место фактах строительства жилищных кооперативов и после 1937 г. – в исключительных случаях, на основании специальных решений Правительства СССР.

Высказанные замечания и предложения не влияют на общую высокую положительную оценку диссертации. Работа настоятельно рекомендуется к дополнению указанными сюжетами и публикации в виде монографии.

Диссертация написана прекрасным литературным языком (за исключением отдельных вольных отступлений (см. с. 209) и оборотов), не содержит ошибок в терминах и цитатах. Справочно-библиографический аппарат оформлен аккуратно и точно.

Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию.

В связи с вышеизложенным, диссертация Р.Ю. Червякова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Червяков Руслан Юнадиевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук, доцент, профессор Учебно-научного мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова, директор Центра истории российской науки и научно-технологического развития ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Долгова Евгения Андреевна

Контактные данные:

тел.: +7-9056955608, e-mail: sciencehistory@rggu.ru, +7495 2506282

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, к. 3, ауд. 600

Тел.: +7495 2506282, e-mail: sciencehistory@rggu.ru

Подпись Долговой Е.А. заверяю:

